

8. Лившиц Р. Потребление и потребительство // Свободная мысль — XXI. 2001. № 6 (1508). С. 81-89.
9. Панарин А. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. № 11. С. 205-219.
10. Рассадина Т.А. Трансформация традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М.: Прометей, МПГУ, 2004. 409 с.
11. Горяинов В.П. Ценностные суждения в России и Западной Европе: сравнительный анализ // Социс-2009. № 5. С. 114-120.
12. Тарасов Б.Н. Непрочитанный Чаадаев, не услышанный Достоевский (христианская мысль и современное сознание). М.: Academia, 1999. 288 с.

Николай Николаевич ГУБАНОВ —
доцент кафедры философии
Московского государственного технического
университета им. Н.Э. Баумана
gubanovnn@mail.ru

УДК 140.8

МЕНТАЛИТЕТ И ТВОРЧЕСТВО

MENTALITY AND CREATIVITY

АННОТАЦИЯ. Впервые для изучения творческих процессов используется категория менталитета. Показано, что жизненные обстоятельства и события влияют на менталитет творца, а его менталитет детерминирует характер творчества. Оригинальный результат творческого процесса обусловлен взаимодействием индивидуальных ментальных особенностей с архетипами коллективного бессознательного и рациональными компонентами менталитета творца.

SUMMARY. For the first time the category of mentality is used for studying creative processes. It is shown that life circumstances and events affect the mentality of the creator, and his mentality determines the nature of creativity. The original result of creative process is caused by the interaction of individual mental characteristics with archetypes of the collective unconscious and the rational components of the creator's mentality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Менталитет, бессознательное, архетип, творчество.
KEY WORDS. Mentality, unconscious, archetype, creativity.

Современное общество называют цивилизацией инноваций. Однако процесс творчества, служащий источником инноваций, недостаточно изучен. В последнее время важную роль стала играть сравнительно новая для отечественных социально-гуманитарных наук категория менталитета, или ментальности. Нередко менталитет отождествляется с сознанием или психикой субъекта, что делает этот новый термин излишним, а категорию менталитета непродуктивной. Мы полагаем, что менталитет представляет собой совокупность социально-психологических особенностей субъекта, детерминирующих его специфическое восприятие мира и особый характер его деятельности [1]. В такой трактовке категория менталитета обладает дополнительными эвристическими возможностями в разработке философской проблематики по сравнению с традиционными понятиями сознания, мировоззрения, общественной психологии, духовного мира, идеального и др. Эта категория позволяет искать ответ на вопрос не только о

том, почему человек действует, но и о том, почему он действует определенным образом. При изучении творчества важно выяснить, чем обусловлена оригинальность данного творца, его особый стиль. Именно категория менталитета позволяет это делать. Мы постараемся обсудить малоисследованный вопрос об обусловленности бессознательными компонентами менталитета специфического характера творческих процессов.

Сфера бессознательного человека, по мнению некоторых исследователей, например Юнга, представлена двумя слоями: *личным бессознательным* (субъективно-психическим) и *сверхличным (коллективным), бессознательным* (объективно-психологическим) [2; 105]. Состав личного бессознательного Юнг описывает следующим образом: «утраченные воспоминания, вытесненные (намеренно забытые) тягостные представления, так называемые подпороговые (сублиминальные) восприятия, т.е. чувственные перцепции, которые были недостаточно сильны, чтобы достичь сознания, и, наконец, содержания, которые еще не созрели для сознания» [2; 105-106]. Эти и другие элементы личного бессознательного, принимающие участие в функционировании психики человека, у разных субъектов различны, детерминируют его специфическое восприятие мира, поведение, деятельность. Поэтому они относятся к содержанию менталитета.

Больше всего особенности личного бессознательного проявляются при неврозах, в сновидениях, повседневных «ошибочных действиях», подобных оговоркам речи и провалам в памяти (например, мы теряем или забываем что-то, полученное от лица, которое нам уже не нравится) и в творчестве субъекта. Для анализа этих проявлений самые плодотворные методы — это изучение жизненных обстоятельств человека, его творчества, герменевтика сновидений и ошибочных действий, метод «свободных ассоциаций».

Представляет интерес работа З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство». В ней Фрейд показал, каким образом определенные факты жизни Достоевского нашли отражение в его психике, а именно в его бессознательном, и как эти особенности проявили себя в дальнейшей жизни и творчестве писателя. «Очевидная связь между отцеубийством в «Братьях Карамазовых» и судьбой отца Достоевского бросилась в глаза не одному биографу Достоевского ... Психопсихический анализ склонен видеть в этом событии тягчайшую травму и в реакции Достоевского на это — ключевой пункт его невроза» [3]. Менталитет Достоевского был отмечен болезненным разрешением Эдипова комплекса. С раннего детства Достоевского преследовало нервное расстройство, которое после убийства его отца, властного и жестокого человека, произошедшего, когда Достоевскому было семнадцать лет, приобрело форму тяжелых эпилептических припадков. По Фрейду, молодой Достоевский подсознательно желал смерти отцу и испытывал в связи с этим тягостное чувство вины. К чувству вины добавилась потребность в искуплении, которая проявлялась в различных деструктивных устремлениях. Часть этих устремлений находила выход в его писательской деятельности и выборе сюжетов, а другая часть — в подпитке его болезненных симптомов. Болезнь ослабела во время отбывания каторги в Сибири, когда психика писателя приняла политическое осуждение в роли «справедливого наказания» за «убийство» отца. Болезненная страсть Достоевского к азартным играм и доведение своего материального положения до критического состояния тоже определялась мазохистским стремлением Достоевского получить кару за пожелание смерти отцу. После крупного проигрыша и сцен самобичевания перед своей

молодой женой психическое состояние Достоевского временно улучшалось, и он начинал усиленно писать.

Помимо Достоевского отчетливые следы переживания Эдипова комплекса были присущи менталитетам и некоторых других писателей. Фрейд отмечает: «Едва ли простой случайностью можно объяснить, что три шедевра мировой литературы всех времен трактуют одну и ту же тему — тему отцеубийства: «Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира и «Братья Карамазовы» Достоевского. Во всех трех раскрывается и мотив деяния, сексуальное соперничество из-за женщины» [3]. Таким образом, можно предположить, что такая особенность личного бессознательного, как интенсивное переживание комплекса Эдипа, входила в менталитеты отмеченных писателей и наложила соответствующий отпечаток на их жизнь и характер их творчества.

Фрейд также убедительно показал, каким образом выявились в новелле С. Цвейга «Двадцать четыре часа в жизни женщины» давно позабытые детские переживания автора. След от этих переживаний в бессознательной психике писателя составил те ментальные особенности, которые в момент творчества «подсказали», «навеяли» автору некоторые образы и сюжетные повороты. Следовательно, в процессе творчества помимо рационального замысла произведения, отвечающего по большей части за содержательную часть сюжета (монологи, диалоги, рассуждения, идеи), присутствует и бессознательная деятельность психики, отвечающая за своеобразное оформление сюжетной линии (непредсказуемые поступки, детали, описания). В этом и проявляются особенности личного бессознательного, входящие в менталитет творца. Людям, имевшим схожие переживания и схожие механизмы реакции на эти переживания, а соответственно и аналогичные ментальные особенности, такое произведение становится особенно близким. Подсознательно оно им понравится.

Юнг изучал с точки зрения психоанализа жизнь и творчество Ф. Ницше. Он писал, что «любой приверженец сексуальной психологии легко сможет доказать, что крайняя напряженность и героический характер ницшевского мировоззрения и его понимания жизни есть все же не что иное, как следствие вытеснения и игнорирования «инстинкта»» [2; 63]. Помимо сексуальной, фрейдовской, психологии Юнг рассматривает и подход А. Адлера, основанный на *принципе власти*. По мнению Юнга, обе концепции одинаково успешно описывают причины невроза. Он пишет: «Обе теории так хорошо подходят к *невротической ментальности*, что любой случай невроза можно объяснить одновременно обеими теориями ... фрейдовская «инфантильная эротика» и адлеровская «тенденция власти» суть одно и то же, совершенно невзирая на спор между этими школами. Это просто фрагмент непокоренной и, главное, не поддающейся покорению изначальной природы инстинкта...» [4; 227].

В рамках психоанализа убедительно показано, что особенности личного бессознательного несут на себе отпечаток жизненных ситуаций субъекта, его деятельности и трансформации его психики. Скрытые комплексы и попытки психики по их разрешению, бессознательное чувство вины, безотчетная подавленность, неосознанные мотивы, желания, намерения и другие содержания бессознательного входят в состав менталитета и играют важную роль в жизни человека. Они проявляются в случайных оговорках, назойливых идеях, необъяснимых навязчивых привычках и действиях, избирательной забывчивости, шутках, поведении в нестандартных ситуациях, сновидениях, мечтах, фантазиях, творчестве. Бессознательная часть менталитета «подсказывает» творцу причудливые образы, нестандартные формы, оригинальные повороты сюжета,

играет важнейшую роль в деятельности интуиции. Если особенности личного бессознательного и их влияние на психику выходят за границу нормы психического здоровья, то они составляют содержание *невротической ментальности*. Не случайно Юнг использовал этот термин. Изучение невротики ментальности — очень важная задача, ибо без психического равновесия немисливо счастье человека.

Юнг полагал, что помимо личностных содержаний бессознательная психика любого человека включает в себя некоторые коллективные великие «изначальные» образы. Они представляют собой «унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна» [2; 105]. Для подтверждения своих идей Юнг апеллирует к следующим феноменам: а) известные сказочные образы и мотивы встречаются на всей Земле в аналогичных формах; б) некоторые душевнобольные бывают в состоянии воспроизводить точно такие же образы и взаимосвязи, которые встречаются в старинных текстах. Юнг дает подробное описание таких случаев. При этом он подчеркивает, что по наследству передаются не сами представления, а лишь *возможность* представлений.

Юнг пришел к тому, что на определенном этапе психоаналитического лечения продуцируются сновидения и фантазии, которые уже не основываются на личных воспоминаниях и личном бессознательном, а являются собой манифестации более глубокого слоя бессознательного, включающего общечеловеческие, изначальные образы. Юнг назвал их *архетипами* (а также «доминантами»). Содержания коллективного бессознательного, представленного архетипами, встречаются повсюду, этим они отличаются от личностных содержаний, присутствующих только психике индивидуального субъекта.

Являются ли архетипы компонентами менталитета? Если архетип, понимаемый вслед за Юнгом как возможность представления, у разных людей выражен по-разному, то он входит в индивидуальный менталитет (степень выраженности признака). Тогда одни люди, у которых этот признак изначально был выражен сильнее, оказались способны репродуцировать те или иные мифологические сюжеты, а другие, у которых признак был выражен слабее, — нет. В таком случае эта особенность их бессознательного, безусловно, входит в их менталитет. Можно показать это на таком примере. И у мужчин, и у женщин имеются архетипы анимы (женщины) и анимуса (мужчины), в которых представлена природа человека противоположного пола. У мужчин сильнее выражен архетип анимы, а в женском — архетип анимуса. Степень выраженности этих архетипов у мужчин и женщин будет составлять их ментальные особенности. Благодаря наличию обоих архетипов все люди, независимо от опыта, образования, социального положения, интуитивно чувствуют и правильно оценивают красоту тела человека противоположного пола, хотя и не всегда могут дать этому рациональное объяснение. Вместе с тем, за счет различий в степени выраженности архетипов красоту мужского тела более объективно могут оценить женщины, чем мужчины, и наоборот, красоту женского тела — мужчины.

Если же архетипы полностью одинаковы для всех людей, то сами по себе они не входят в менталитет. Но данный архетип войдет в состав индивидуального менталитета сразу после того, как он будет оживлен, активизирован и начнет играть определенную, достаточно значимую роль в жизни субъекта. Если сам по себе архетип является возможностью и является компонентом коллективного бессознательного, то компонентом менталитета будет *актуализированный архетип*, представляющий собой уже не возможность образа,

а оформленный каким-либо способом образ. По наличию этого образа данный субъект будет отличаться от других. Юнг связывал механизм психического процесса актуализации архетипа с перетеканием психической энергии из личного бессознательного в коллективное бессознательное. Либи́до, «следуя своему уклону, погружается в глубины бессознательного и оживляет там то, что до сих пор дремало. Оно обнаруживает сокрытый клад, из которого всегда черпало человечество, из которого оно извлекло своих богов и демонов и все те сильнейшие и могущественнейшие идеи, без которых человек перестает быть человеком» [2; 106].

Итак, актуализированный архетип является компонентом менталитета. Примером такой ментальной особенности может послужить представление об ангелах, архангелах, «тронах и господствах» у Павла, архонтах у гностиков, небесной иерархии у Дионисия Ареопагита. Еще один пример, приведенный в работе Юнга, — это идея сохранения энергии. Ее творцом Юнг считал Р. Майера. Майер был врачом, а не физиком, хотя выдвижение подобной идеи было бы ближе для последнего. Однако с точки зрения Юнга важно то, что эта идея не была *создана* в собственном смысле, не возникла в результате синтеза существовавших тогда научных теорий, а «выросла в своем творце подобно растению». Юнг задается вопросом о происхождении этой новой идеи, которая навязалась сознанию Майера с такой силой, и отмечает, что *«идея энергии и ее сохранения должна быть изначальным образом, который дремал в коллективном бессознательном»* [2; 108]. Этот образ действовал на протяжении всей истории человечества. Его можно обнаружить в различных примитивных религиях, согласно которым повсюду присутствует некая магическая сила. В соответствии с архаичными воззрениями сама душа есть эта энергия, и в идее бессмертия души заключено представление об ее сохранении, а в восточном и первобытном представлении о переселении душ заключена идея ее неограниченной способности к превращениям [2; 109].

Согласно Юнгу, эта идея испокон веков запечатлена в человеческом мозгу и в готовом виде заложена в бессознательном каждого. Усилим позицию Юнга тем соображением, что идея сохранения энергии была выражена в 40-е гг. XIX в. в различной форме независимо друг от друга разными учеными: Гессом, Майером, Джоулем, Гельмгольцем. Ранее эту же идею в другой формулировке высказывал Ломоносов. А одним из первых ее сформулировал Эмпедокл: «Ничто не может произойти из ничего, и никак не может то, что есть, уничтожиться». Аналогичный тезис высказывали Демокрит, Аристотель и Эпикур. Можно предположить, что первообраз (архетип) неуничтожимой энергии присущ каждому человеку, но для того, чтобы он выступил на поверхность психики, требуются определенные условия, и, видимо, в зависимости от их сочетания образ будет проявляться в той или иной специфической вариации. Очевидно, что в случае Майера и некоторых других вышеперечисленных мыслителей такие условия сложились. В таком случае актуализированный архетип энергии вошел в индивидуальные менталитеты их обладателей и активно участвовал в творческой деятельности, особенно на бессознательном, интуитивном уровне.

Юнг полагал, что все «величайшие и наилучшие мысли человечества» возникают именно благодаря архетипам, поскольку актуализированный архетип детерминирует поведение и деятельность субъекта. Если образы коллективного бессознательного получают актуализацию в менталитете художника и находят выражение в его произведении, то оно будет доставлять эстетическое переживание любому человеку. Очень интересным представляется вопрос о том, каким

образом возможно в процессе творчества использовать помимо своего личного опыта также и опыт предшествующих поколений, запечатленный в структурах мозга в виде архетипов. Каким образом возможно сознательное, принудительное приобщение к этой сокровищнице изначальных образов? Видимо, приведенные выше примеры представляют собой стихийное, спонтанное движение психики, приводящее к актуализации любого архетипа. Ответить на этот вопрос довольно сложно и в будущем психология должна попытаться найти ответ.

Юнг говорит о множестве архетипов, например, таких образах, как Тень, Зверь, старый Мудрец, Анима, Анимус, Мать, Ребенок, а также о большом количестве архетипов, выражающих ситуации. Актуализированный в силу каких-либо обстоятельств архетип может привести к возникновению новой идеи из всеобщей коллекции первообразов. Новый, только что возникший из коллективного бессознательного продукт психики неясен и расплывчат, он получает более четкое очертание при добавлении к нему некоторых деталей, поставляемых личным бессознательным, и окончательно оформляется сознательной деятельностью психики. Рассмотрим пример композитора Д. Тартини. Ему во сне являлся дьявол и играл на скрипке новые произведения [5; 94]. «Дьявол есть вариант архетипа Тени, т.е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека» [2; 143]. Образ дьявола — это актуализированный в индивидуальной психике архетип Тени. К этому образу добавилась скрипка и музыка — это компоненты, продуцируемые личным бессознательным композитора, и, наконец, утром, после рационального осмысливания и оттачивания композиция записывается в нотную тетрадь. Таким образом, в готовом психическом продукте — новом музыкальном произведении — мы выделяем три составляющие: образ дьявола (ментальная особенность, принадлежащая к коллективному бессознательному), образ скрипки в руках дьявола (ментальная особенность личного бессознательного) и готовая композиция в голове музыканта — ментальная особенность рациональной психики. Динамику творческого процесса можно описать следующим образом: днем присутствует сознательное желание сочинять музыку, ночью это желание продолжает функционировать в личном бессознательном, оттуда оно устремляется в самую глубину психики — в коллективное бессознательное и актуализирует там архетип Тени. Потом идет обратное движение нового зарождающегося духовного продукта. Получив мощную энергию коллективного бессознательного, он обрастает компонентами личного бессознательного и оформляется в творческое сновидение, а на утро подвергается еще и рациональной обработке сознанием.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что элементы индивидуально-бессознательного, формируясь в конкретных жизненных обстоятельствах, входят в состав менталитета творца, в котором наблюдается их сложное взаимодействие с определенными элементами коллективного бессознательного, а в дальнейшем и с рациональными компонентами менталитета креативной личности. Итогом служит неповторимый, своеобразный характер художественного, научного, философского и иного творчества человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губанов Н.Н. Менталитет и его функционирование в обществе // *Философия и общество*. 2006. № 4.
2. Юнг К.Г. О психологии бессознательного // *Психология бессознательного*. М.: Канон+, 2003.

3. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. http://www.krotov.info/lib_sec/21_f/fre/freud_08.html.

4. Юнг К.Г. Отношения между Я и бессознательным / Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003.

5. Губанов Н.И. О гносеологическом статусе малоизученных феноменов чувственного отражения // Философские науки. 1986. № 2.

*Алексей Геннадьевич ИВАНОВ —
доцент кафедры философии
Тюменского государственного университета,
кандидат философских наук
decartus@rambler.ru*

УДК 130.122:165.24:159.954

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА ВООБРАЖЕНИЯ

METHODOLOGICAL INTRODUCTION TO THE RESEARCH OF IMAGINATION CONCEPT

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению методологических основ исследования воображения «самого по себе» как концепта воображения.

SUMMARY. The article is devoted to the consideration of methodological bases for the research of «by itself» imagination as a concept of imagination.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Воображение, концепт, культура, образ, диалог.

KEY WORDS. Imagination, concept, culture, image, dialogue.

Что есть воображение? Ответ на этот вопрос кажется самоочевидным, ведь каждый знает что значит воображать и умеет отличать воображаемое от реального. Ну а если хочется блеснуть знаниями, то можно обратиться к толковому словарю и процитировать строго выверенное определение. Но так дело обстоит скорее только на словах, чем в действительности.

Субъективно, и это может быть обнаружено рефлексией, воображение присутствует в различных психических актах, как спонтанных так и осознанных, причем к воображению в быденном смысле слова среди них будут относиться очень немногие. Причем неясна и степень присутствия воображения в них, например — одно и то же «воображение» присутствует в таких актах как «мечтать» и «планировать»? Замечу, что онтологический статус мечты и плана может и не иметь отношения к воображению «самоу по себе». В полном смысле слова «воображением» будет только «чистая фантазия», которая, однако, является не более чем фантомом, так как существует только в момент своего осуществления и немедленно теряет свою «чистоту» в момент ее фиксации посредством рефлексии, превращаясь в такой объект как «воображаемый предметный акт».

Объективно воображение обнаруживается (в виде своего следа или отпечатка) в различных видах человеческой деятельности, причем далеко не ограничивающихся сферой вымысла. И вообще нет ни одного обнаруживаемого явления, которое не было бы в той или иной сфере затронуто воображением. Моим или чьим-то еще. Мне могут возразить, что даже если сфера культуры создана с помощью воображения, то физическая реальность никем не придумана.